

К. М. БЛИНОВА

Клавдия Михайловна Блинова встретила войну инструктором-летчиком одного из Осоавиахимовских аэроклубов Москвы. В 1942 году в числе многих девочек авиасоединения М. М. Расковой она освоила истребитель и прибыла под Сталинград.

В небе над Волгой Клавдия Блинова вылетала на прикрытие наших наземных войск, сопровождение штурмовиков, бомбардировщиков, на разведку, штурмовку противника, провела не один десяток воздушных боев.

Сталинградский, Калининский, Северо-Западный, Брянский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фронты вплоть до окончательного разгрома фашистской Германии — таков боевой путь лейтенанта К. М. Блиновой.

В настоящее время Клавдия Михайловна на заслуженном отдыхе, живет в городе Киеве. За мужество и отвагу, проявленные в боях против врага, она удостоена многих правительственных наград.

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

«...Командует у нас сейчас Головин. Как только услышу, что к нему обращаются и зовут «командиром эскадрильи», так сразу перед глазами встаешь ты, и так тогда мне тяжело на сердце. Все, все здесь напоминает о тебе. Ты прости меня, Гриша: я ведь тебя иногда огорчала...»

Такое вот письмо. Пожелтевший, сложенный треугольником тетрадный лист. Скоро сорок лет, как писалось. А хранится. Среди фронтовых фотокарточек, летных книжек.

Гриша — это наш комэск, капитан Кудленко Григорий Данилович. Мой будущий муж. Головин — его заместитель, бесстрашный пилот, мастер воздушного боя. Когда соберемся вместе, кажется, ничего не изменилось с тех давних фронтовых лет, время будто застыло на месте. В застолье только и слышишь: «А помнишь?..», «А помнишь, как Клавдия погналась за «юнкерсом», «Нет, нет, а когда Анатолий решил разделаться с «фоккером»?..». Эх, все-таки хорошо, когда есть кому сказать «А помнишь!...».

...Тридцатые годы. Время героических перелетов, рекордов и славы советских летчиков. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» — гремело повсюду. И вот однажды к нам в школу на подмосковную станцию Востряково пришел инструктор аэроклуба и предложил записаться в Осоавиахим — учиться летать. После медицинской комиссии из всех желающих в аэроклуб попала только я.

Весной начались полеты. Какое же удивительное чувство испытала, когда впервые поднялась на самолете в небо! А когда вылетела одна, самостоятельно!.. Потом была школа инструкторов-

летчиков. Окончив ее, приехала я в Востряково. Новехонькая летная форма: гимнастерка с авиационной эмблемой — пропеллер, крылья на рукаве, а еще синяя пилотка под цвет глаз, сапожки... Все, все-то на свете казалось мне тогда таким радостным, светлым, все-то получалось у меня легко, просто. Пять выпусков — около трех десятков парней — успела подготовить к училищу, обучила летать. И вдруг война...

Запомнился яркий летний день — 3 июля сорок первого. Неожиданно висевший на вышке и не выключавшийся с начала войны ни днем ни ночью с четырехугольным, как у звукоснимателя, раструбом динамик громко и сухо шелкнул и голос Левитана произнес:

— Внимание! Внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. — Затем в течение нескольких секунд слышался какой-то неясный разговор, в котором тихо, но отчетливо прозвучало: — Не волнуйтесь.

Мне показалось, что эту фразу произнес Левитан*.

Затем начал говорить Сталин.

«Братья и сестры!» — это было обращение к народу. Впервые мы поняли всю серьезность положения, почувствовали, что война будет тяжелой и долгой...

Еще мне запомнилось фотоателье на Киевском вокзале, где год назад я снялась в форме инструктора-летчика. Кто-то разбил стекло витрины и вынул одну-единственную карточку — мою. Кто тот парень — этого никто никогда не узнал.

...Хмурилась Москва. Бумажными крестиками перечеркивала окна, мешками с песком и фанерой укрывала витрины магазинов. В небо настороженно поднимались аэростаты воздушного заграждения. Бесконечным потоком по столице двинулись ополченцы, призывники.

В октябре 1941 года, когда стало известно о формировании Мариной Расковой авиационной части, сотни девочек с заводов, фабрик, из институтов, учреждений, Осоавиахимовских клубов высказали желание встать на защиту Родины с оружием в руках. Отбор был строгий. Многие девушки шли прямо в ЦК ВЛКСМ, где у них тщательно выясняли семейные обстоятельства, отношение к военным специальностям. А сборный пункт нашей будущей женской авиационной части находился в одном из зданий Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского на территории Петровского парка. Здесь нам предстояло провести две шумные недели.

Из разных городов страны съезжались к Расковой девочки. Прибывших временно заняли строевой подготовкой, политическими беседами. В один из вечеров объявили приказ об обмундировании личного состава, и тогда платья всех цветов радуги мы сменили на гимнастерки, брюки, грубоватое красноармейское белье и ши-

* В своих воспоминаниях Ю. Левитан пишет, что это Сталин успокаивал его.

нели. До сих пор помню этот забавный, веселый вечер нашего переодевания. Кирзовые сапоги от 40-го до 43-го размеров вместо 35-го да 36-го; шапки-ушанки, которые при равнении «направо» зачастую оставались на месте, а голова равнялась сама по себе — все это изменило наш внешний облик, но в душе у всех горело прежнее неукротимое стремление: скорее на фронт!

Наконец нашему необученному говорливому войску приказали готовиться к отправке. Впереди месяцы учебы в летной школе.

В ночь перед отправкой из Москвы мы уже спали одетые. Холодным осенним утром, в четыре часа, всех разбудила резкая и властная команда:

— Подъем!

Пустынными улицами столицы, громяхая тяжелыми, не по росту огромными сапогами, путаясь в длинных полах шинелей, тянется наша необычная колонна к Казанскому вокзалу. Здесь только что сформированной части предстоит погрузка в эшелон, и для охраны отправляемого имущества назначается караул.

Во время воздушной тревоги начальник штаба капитан М. А. Казаринова и разводящая караул Е. В. Буданова проверяли посты. Вышли к железнодорожной ветке, отыскиали ящики, аккуратно сложенные штабеля имущества, а часовых... нет. Когда отгрохотали зенитки и прекратилась воздушная тревога, по одному, словно из-под земли, начали показываться виновато посматривающие по сторонам девчата.

Долго потом смеялась Марина Михайловна Раскова, выслушав доклад начальника штаба об исчезновении караула:

— Вы, капитан, хотите, чтобы они сразу стали военными. Это не так просто. Для начала надо хотя бы знать воинские уставы. Будем их изучать в дороге, назначим старших, ответственных за подготовку. Из гражданского коллектива еще предстоит сделать боевую часть, и как можно быстрее.

Девять дней и девять ночей, останавливаясь на запасных путях, в тупиках, пропуская воинские составы на запад и с эвакуированным оборудованием заводов на восток, пробивался наш эшелон до места назначения. Девять дней и девять ночей дежурные девчата поддерживали в вагонных печурках тепло. Во время стоянок все шумно вываливались на платформу — «протрястись», достать дров, кипятку, бросить в почтовый ящик письма. Московские конверты с марками, открытки, аккуратно сложенные треугольничками листы школьных тетрадей отправлялись почти на каждой станции.

Часто в вагон заглядывала Марина Михайловна. Радовало всех нас общение с этой простой и удивительно обаятельной женщиной.

— Скоро приедем, — поддерживала настроение девчат наш командир. — Выучимся, а воевать придется рядом с кадровыми полками. Как думаете, выдержим?

— Выдержим! — не сомневались мы.

И вот на рассвете 26 октября эшелон Расковой прибыл в город Энгельс. Неприветливо встретила холодная Волга почерневших от

копоти, уставших за долгую изнурительную дорогу девчат. Сырой туман затянул будто вымерший город. Вокруг ни огонька, ни живой души. Только команды, только шорох сапог и дождь — мелкий, надоедливый.

Разместили нас в спортивном зале Дома Красной Армии. Зачитан первый приказ: до вечерней поверки всему личному составу подстричь волосы. «Ох!..» — испуганно отозвался чей-то тоненький голосок. Но с разумностью решения не согласиться было нельзя. И после завтрака мы — в парикмахерской. Защелкали, заработали ножницы — полетели холеные косы, гордые локоны, лихие чубы. Целый ковер нашей девичьей красоты!..

Авиагруппа № 122 под командованием Героя Советского Союза Марины Михайловны Расковой приступила к учебе. Пилоты аэроклубов и Гражданского воздушного флота составили летное отделение, студентки вузов — штурманское, девушкам с техническим образованием предстояло стать авиамеханиками, остальных определили в группу вооруженцев. Среди будущих штурманов помню девушек из Московского государственного университета: Женья Руднева, Катя Рябова, Аня Еленина, Галя Комкова, Леля Радчинова, Вера Белик, Ирина Ракобольская, Дуся Пасько, Руфина Гашева. Были включены в эту группу и студентки Московского авиационного, медицинского институтов. Среди них Таня Сумарокова, Катя Доспанова, Рая Аронова, Галя Докутович, Полина Гельман, а также Женья Жигуленко, Катя Тимченко, Софья Бурзаева, Лариса Розанова.

Из воспоминаний, военно-исторической литературы как-то шире сейчас известно о боевой работе 46-го гвардейского женского авиаполка, девчат, воевавших на По-2. Но среди воспитанниц М. М. Расковой были и те, кто вел воздушные бои на истребителях, и те, кто освоил пикирующий бомбардировщик.

Я попала в группу летчиков-истребителей. И вместе со мной этой сложной летной профессии обучались Лиля Литвяк, Катя Буданова, Маша Кузнецова, Клава Нечаева, Тоня Лебедева, Оля Шахова и другие. Занимались мы не по десять учебных часов, предусмотренных расписанием, — много больше. Да и неудивительно: трехгодичный курс школы предстояло пройти за несколько месяцев — освоить теорию полета, самолетовождение, тактику воздушного боя, материальную часть, вооружение самолета. Все эти теоретические занятия в классах сочетались с напряженной практикой: у большинства из нас хотя и был опыт инструкторской работы, но учиться на истребителе приходилось заново. Ведь наш осовахиновский У-2 (По-2) максимально-то развивал скорость от 130 до 150 километров в час, а Як-1 — до 580, Як-3 — уже до 740 километров в час! Вес По-2 в учебном варианте составлял 635—656 килограммов, а взлетный вес Як-1 — 2847. При этом высоту в пять тысяч метров он набирал за 5,4 минуты!

Если учесть, что на истребителе у летчика нет помощников — ни штурмана, ни борттехника, ни стрелков-радиостов — и в воздухе он все решения принимает один, самостоятельно, понятно

будет, насколько тщательно отбирали кандидатов для нашей группы. Стоит ли говорить о том, какая ответственность ложилась на каждую из нас. И все же во многом мы оставались просто девочками.

...Пять часов тридцать минут утра. В помещение, именуемое теперь казармой, врывается команда дежурного:

— Подъ-ем!

Вихрем взлетают одеяла, быстро и торопливо работают руки — через считанные секунды мы в строю. Носок к носку, плечо к плечу, устремленный вперед взгляд — замерли в напряжении. На правом фланге высокие, сильные девушки, которые, кажется, только и родились для строя да военных парадов. В строгих красивых лицах, как у Кати Будановой, во всем их внешнем облике мужество, отвага, решительность. А в конце шеренги войны менее статные — этим особенно важно подогнать только что полученное теперь уже летное снаряжение — тоже не слишком-то элегантное и рассчитанное будто на вырост.

Идет утренний осмотр. Подгонку снаряжения проверяет Марина Михайловна Раскова, сама образец подтянутости, блестящей воинской выправки — мужественная и в то же время очень женственная. Не спеша она обходит строй, внимательно осматривая каждую. И вдруг: что это?! На плечах невысокого росточка белокурой летчицы красуется аккуратно пристроенный цигейковый воротничок...

С любопытством осмотрела Марина Михайловна самодеятельное творчество подчиненной, одобрила работу — со вкусом сделано, с фантазией.

— И долго пришлось работать? — поинтересовалась.

— Да нет, не очень, — искренне ответила миловидная девушка, — ночью посидела немного и перешла вот из летных унтят...

Эта ночь рядовой Лиле Литвяк стоила выговора. А воротничок, конечно, пришлось снять.

Сохранились Лилины письма того времени к матери Анне Васильевне и младшему брату. Я позволю себе привести некоторые из них, не комментируя — они не требуют этого. Строки солдатских треугольничков просты, бесхитростны и светлы — как и вся наша молодость.

13 января 1942 года. «Дорогая мамочка и Юра! Сегодня старый Новый год. Собираемся гадать — что нас ждет в новой военной жизни?.. Так много интересного впереди, так много неожиданностей, случайностей судьбы. Но что ждет? Или что-то очень хорошее, большое, или все может рухнуть вмиг, пойти обычным чередом размеренной жизни, такой, как живут мирные грешники. Я, конечно, за то, чтобы пожить лучше немного, но бурной, интересной жизнью...

Недалек тот час, когда мы начнем парить на своих ястребах, тогда житейская обстановка примет другой оборот... Все мои мелкие неприятности, что были, сгладились благодарностью от начальства. Можно сказать, немного «выслужилась».

29 января 1942 года. «Дорогая мамочка и Юра! Можете меня поздравить. 29.1.42 г. вылетела самостоятельно с оценкой «отлично». Наконец-то исполнилась моя долголетняя мечта. Можете меня считать натуральным истребителем. Вывозной налет мой минимальный, очень довольна. Пока все в порядке. Куклы-книжки пусть валяются — когда-нибудь пригодятся, пусть лежат где-нибудь в уголке.

Пишите, не забывайте. Любящая вас Лилька. Крепко-крепко целую».

21 февраля 42 года. «Дорогая мамочка и Юрий. Шлю вам свой почтенный привет! Вчера получила пятое письмо за 4 февраля. У меня все благополучно, жива-здорова. Вчера же я первый раз была в зоне на высоте 5000 метров без кислорода и впервые почувствовала машину без шасси. Вот замечательно! Вот где скорость! Несколько раз сорвалась в штопор, но в конце концов виражить научилась.

Юра, спасибо тебе за такие нежные чувства. Но так убежденно гордиться мною еще слишком рано. Я еще не окончила положенной тренировки, хотя, правда, летаю по всем заданиям на «отлично». Но все же гордиться будем тогда, когда станем действительно победителями над врагом. Пиши чаще, только больше не «гордись». Пиши, как учишься, проводишь время и вообще о всех своих делах.

Целую. Твой друг и сестра Лиля».

13 марта 42 года. «Дорогая мамочка и Юра! Настроение у нас неопределенное, мы можем не успеть закончить программу подготовки: погода сейчас нелетная, тает снег, начинается переход с лыж на колеса, и все это оттянет время выпуска. А наше желание — поскорее на фронт. Неопределенность волнует. ДКА здесь недалеко, но, правда, там мы почти не бываем, все нет времени — в основном на аэродроме. Крепко целую. Лиля».

20 марта 42 года. «Дорогая мамочка и Юра! Чувствую себя отлично, все в порядке. Много занимаюсь теорией и летаем. Скоро начнем стрелять. Погода идеальная — ни одного нелетного дня. Питание нормальное, в столовую ходим три раза, где встречаем своих знакомых летчиков. И, откровенно говоря, когда идем туда, то девки пудрятся по полчаса. Я, правда, пудриться еще не начала. Очень жалею, что не взяла с собой синюю гимнастерку, и потом у меня насчет сапог очень плохо, я просто замучилась: большие, притом разные — один короче другого. Прямо не повезло. Думаю, конечно, что как-нибудь обойдусь. Мама, не пиши на конверте: «Летчику Литвяк», потому что фамилии летчиков засекречены. Пиши просто: «Л. В. Литвяк». Крепко целую. Твоя Лилька».

29 марта 42 года. «Дорогие мамочка и Юрочка! Здравствуйте! Чувствую себя хорошо, давно не получала писем. Погода все время стоит замечательная, летная... Летаем отлично. Мамочка, в Москве часто бывают знакомые, недавно была наша инженер — Вале и Рае прислали посылки, а я растерялась. Теперь приготовь

мне посылку, в удобный момент я тебе сообщу, чтобы все было наготове. Мне нужны следующие предметы: белый шлем из хорошей материи, поплотнее, и чтобы хорошо стирался (если, конечно, есть такое, мамуся, а то все равно), перчатки, носки — две пары, зубная паста, штук десять тетрадочек. Если сможешь, приготовь мне носовые платочки — батистовые или шелковые, у нас там тряпок много было. Знаешь, как приятно иметь что-нибудь хорошее, домашнее?..

Мамуся, мы по-прежнему тренируемся. Летать на истребителе очень тепло — не то что У-2. Кабина летчика обогревается, даже жарко. Последнее время летала в зону на пилотаж. Можно сказать, машину прочувствовала окончательно. Теперь мы себя вообще чувствуем очень уверенно и стали совсем большими. Хочу надеяться, что наступит час, когда мы все увидимся. Крепко целую, ваша Лиля».

1 мая 42 года. «Очень хочется поскорее на фронт, там мы чувствуем себя настоящими солдатами. На этой плешке, где мы сейчас стоим, много бывает авиационных людей. Меня больше всего интересует наша дальнейшая деятельность. Летаем мало, как и бывает в системе ПВО. Переучивание закончилось, теории подходящей командование пока не придумало, так что мы увлекаемся весной. В общем, все то, что я пишу тебе, ты должна критически оценивать и советовать мне, пиши больше свое мнение насчет всего. Я надеюсь, что ты мне здорово доверяешь, веришь в мои силы и в большинстве случаев согласна со мной, не правда ли? Пиши, дорогая мамочка, целую тебя, твоя Лиля».

8 мая 42 года. «Дорогая мамочка! Сегодня мы сидим в самолетах в полной боевой готовности. Саратов спит спокойным сном. Встречая день на посту, я в душе мысленно с вами, сижу за столом, за нашим столом в нашем дорогом родном доме, и мысленно ем мои любимые оладьи. Очень приятно бывает иногда помечтать. Кругом весна. Я решила, что влюбилась в одного мальчишка. Его звать Толя. Ну что же, я хуже всех? Ведь девки влюбляются, а я что?.. Правда, Толю этого видеть часто не предполагаю, но все же не чувствую себя монахиней».

29 мая 42 года. «Здравствуй, дорогая мамочка. Вот уже и май подходит к концу. Наша жизнь в ПВО хотя и очень однообразна, но дни почему-то проносятся незаметно. Тренируемся сейчас помногу, и это воодушевляет нас, так как приближает к нашей общей цели — к фронту. Почти ни у кого нет желания во время войны жить в такой спокойной обстановке. Все настолько уверены в своей силе и энергии, что считают свое присутствие на передних позициях необходимым не на жизнь, а на смерть. Все рвутся, рвутся, и я больше всех. Я в долгу не останусь, если потребуется, положу все силы для общего блага».

Между прочим, мне понравилось твое 23-е письмо, но ты здорово плохо все-таки знала мое внутреннее содержание, если думать, что Павел и др. на меня могли иметь хоть малейшее влияние. Может быть, это внешне казалось так, но неверно. Павел

среди нас, молодежи, считался красивым: в компаниях в него очень часто влюблялись девчонки, а он отдавал предпочтение, и не малое, мне. И это мне нравилось...»

2 июня 1942 года. «Дорогая мамочка, мне часто снится, что мы с тобой идем, спешим куда-то в гости или театр, такие наряженные-наряженные, такие веселые, и ты у меня такая молодая, веселая. Становится так радостно, сама не знаю почему. Дай бог, сбилось бы. Мои сны всегда были точные...»

22 июня 42 года. «... В это тяжелое время мы считаем себя отдыхающими, между тем здесь могли бы также отдыхать уже уставшие и утомленные наши братские полки», — писала Лиля и всем своим юным, горячим сердцем стремилась туда, где было особенно трудно.

Тот долгожданный день наступил для нас неожиданно.

Стоял сентябрь сорок второго. На выжженной солнцем траве выстроился полк и замер в торжественном молчании. Зачитан приказ. Еще минута-другая — и наша эскадрилья уйдет туда, где решается судьба Родины.

Короткий митинг. Даем слово не уронить чести полка, в боях за свободу и независимость не щадить своей жизни. Последние пожелания, объятия с подругами. И вот взлетает звено Раи Беляевой — Катя Буданова, Лиля Литвяк, Маша Кузнецова. За ними наша четверка — Клава Нечаева, Тоня Лебедева, я и Оля Шахова. Курс — на Сталинград. Что-то нас ждет впереди?..

Города мы не увидели. Огонь съел все. Над Волгой высоко вздымались лишь столбы черного дыма, и, с трудом пробившись сквозь его едкую пелену, мы приземлились на полевом аэродроме.

Звено Раи Беляевой попало в 9-й гвардейский истребительный авиационный полк — часть прославленных асов Льва Шестакова. Наше звено направили в 434-й истребительный авиапункт, которым командовал майор И. Клещев. Опытные воздушные бойцы собрались и под его знаменами. Среди них В. Алкидов, В. Бабков, А. Баклан, С. Долгушин, Н. Карначенков.

В это тяжелейшее для страны время уже вышел приказ Сталина № 227, известный своей категорической формой: «Ни шагу назад!..» Хотя и так всем было ясно — больше отступить некуда.

Катя Буданова, получив известие о родных, которых считала погибшими, писала сестре: «Очутилась я в пекле войны и пишу из-под Сталинграда. Условия на фронте ты знаешь какие. Теперь моя жизнь принадлежит борьбе с фашистской поганью... Хочу тебе сказать вот что: смерти я не боюсь, но не хочу ее, а если придется погибнуть, то даром свою жизнь не отдам. Мой милый крылатый «як» — хорошая машина, и моя жизнь неразрывно связана с ним, и умирать мы будем только героями...»

Катюша искренне передавала настроение и чувства, которыми

мы тогда жили. К сожалению, с нами никак не разделяли этих чувств наши новые комэски. Вместе с командирами полков они решали проблему, как бы полвчее «сплавить» неожиданно свалившуюся на них девичью рать.

Энергичный, крепко сложенный, с волевым лицом, Иван Клещев откровенно высказал свое отношение к новому пополнению его части:

— Больно мне видеть женщину на войне. Больно и стыдно — будто мы, мужчины, не можем оградить вас от этого неженского дела. Еще ведь и расплачетесь.

— А и поплачем. Ничего. Не обращайтесь внимания, — вырвалось у меня.

Однако командира полка наш энтузиазм не устраивал. И признаться, он был прав. Для нас война пока что оставалась как в школьной хрестоматии — красиво летишь на тачанке в чапаевской папахе и строчишь из всех пулеметов!.. А Клещев в свои неполных двадцать три года уже успел повоевать на Хасане, на Халхин-Голе, почти год — на фронтах Великой Отечественной. Только с 15 июля по 3 августа, за каких-то две недели, его полк совершил 827 боевых вылетов, уничтожил 55 самолетов противника; но уже вторично был выведен в резерв для пополнения летным составом и техникой.

Под Сталинград летом сорок второго немцы собрали всю авиацию 4-го воздушного флота, в частности эскадру Рихтгофена, укомплектованную отборными асами с пиковыми тузами на фюзеляжах истребителей. Бросить в бой с ними необстрелянных девчат командиру полка было просто по-человечески жалко. И мы решили сломить недоверие к нам, и вот прямо над аэродромом, на глазах у всех, сошлись в поединке Иван Клещев и Клава Нечаева...

Что там говорить, Ваня в воздухе был король! Еще до Сталинграда он успел сбить 48 самолетов противника. Не случайно все эти пиковые тузы, хваленые берлинские снайперы, едва услышав в эфире позывные Клещева, сматывали удочки. Легендой стал бой, в котором наш командир одной атакой сбил пять фашистских бомбардировщиков.

Это случилось под Торжком. «Юнкерсы» уже прорвались к аэродрому, и великолепную клещевскую атаку видели многие. Коршуном свалился летчик на строй гитлеровцев. Две первые машины он поджег реактивными снарядами; ошарашенные натиском краснозвездного истребителя, две другие столкнулись в панике сами, а пятый «юнкерс» сбил уже при выходе из атаки очередью из пушек.

Рассказывали еще, что однажды Клещев дал вызов семерке «мессершмиттов». Ничего не могли поделаться немцы с отчаянным русским пилотом — никакие уловки, никакие перегрузки не брали его. Когда же два «мессера» все-таки зашли в хвост самолета Клещева, он так рванул на вертикаль, что гитлеровцы проскочили мимо и сами попали под огонь его пушки. Точными короткими оче-

редями Иван сразил их обоих из перевернутого полета, то есть головой вниз. Такая работа — уже на уровне искусства!

Ни сложных ситуаций в воздухе, ни гнева начальства на земле не боялся Иван Клещев. Без лишних слов двадцатитрехлетний командир полка умел заставить людей выполнить свой приказ. И его любили в полку все. Каждый готов был отдать за командира жизнь. Стоит ли говорить, как нелегко было Клаве Нечаевой, когда она сошлась с таким бойцом на глубоких выражах...

Майор Клещев управлял машиной легко, уверенно. Он бросал истребитель, навязывая «противнику» свою волю, но Клава, казалось, и не думала сдаваться. Все круче становились выражи, стремительнее боевые развороты, петли. А когда самолет Клещева камнем полетел вниз, в отвесном пикировании, мы замерли.

Дальше все произошло молниеносно. Истребитель командира, взревев мотором, вырвался из пике, а Клава качнулся с крыла на крыло, словно еще подумал — падать или не падать — и свернулся в штопор. Нет ничего мудреного вывести самолет из беспорядочного штопорного падения. Если, конечно, высота позволяет. А если ее нет?.. Клаве оставалось только прыгать с парашютом, немедленно. Но летчица машину не бросила. Хладнокровно, с удивительной точностью действуя рулями управления, она вывела ее из штопора, и тогда весь аэродром, напряженно следивший за поединком, облегченно вздохнул.

Так пилоты клещевского полка понемногу проникались к нам уважением, а мы в свою очередь всячески старались перенять их опыт, мастерство, тактические приемы борьбы с гитлеровскими бомбардировщиками и истребителями. К этому времени на пополнение летного состава полка прибыли братья Микояны — Степан и Володя, сыновья Анастаса Ивановича. У старшего, Степана, уже были боевые вылеты, а Володя только что окончил Качинскую школу пилотов — ему едва исполнилось восемнадцать лет. Не форсируя событий, нас, молодых, вводили в боевой строй. А события говорили сами за себя.

Вклинившись в оборону на стыке 62-й и 64-й армий, гитлеровцы овладели многими господствующими высотами, начали штурм города. 434-му истребительному авиаполку в этой обстановке было приказано прикрывать наши войска, наступавшие на Котлубань. И утром 16 сентября к нам обратился комиссар полка Стельмашук. Он говорил о героической обороне, которую держали здесь в 1918 году бойцы 10-й армии, называл имена прославленных героев. Александр Пархоменко, Николай Руднев, Артем Сергеев...

— Не шадя сил, самой жизни, шли они в бой с белогвардейскими полчищами, в атаке заглушая скрежет клинков, и не раз над степной станицей под Царицыном гремел грозный клич: «Дашь Котлубань!..»

Комиссар говорил, а наши сердца взволнованно отвечали его словам, потому что сила человека — чары человека — не от слов, которые говорит он, а от пламенности и воли его сердца, от того огня, каким горит его слово.

После митинга 11 боевых истребителей под командованием Клешева, прикрывая наши войска над станцией Котлубань, встретили около 30 «юнкеров», готовившихся к бомбометанию. Оценив обстановку — бомбардировщиков прикрывали несколько пар «мессершмиттов», — Клешев повел свою группу в лобовую атаку. Гитлеровцы дрогнули. Начали поспешно освобождаться от бомб. Вспыхнула одна их машина, другая. Строй рассыпался. Тогда наши пилоты ударили по «мессершмиттам» и сбили еще два самолета.

По семь-восемь боевых вылетов выполнили в тот трудный день летчики полка, а к вечеру, с черными от усталости лицами, вспаленными от перегрузок глазами, собрались у командного пункта — не вернулся Коля Парфенов.. Ждал любимца полка — весельчака и балагура, гитариста и песенника — его друг Саша Котов. Он видел в бою, как падал самолет с бортовым номером Парфенова. Ждал самый молодой среди нас пилот — восемнадцатилетний Володя Микоян, ждало так полюбившее песни Николая наше девичье звено.

Вечер, скоро потухший, сменился тихой и теплой ночью, — кажется, гуляй да гуляй в такую ночь, и не верилось, что Коля Парфенов погиб, что его не стало. Где-то в душе пилоты еще надеялись на чудо, а война продолжалась...

На следующее утро на прикрытие наземных войск на станции Котлубань вылетели две группы «яков», возглавляемые капитаном Избинским и старшим лейтенантом Котовым. Меня поставили ведомой к Саше Котову, а Клаву Нечаеву — к Избинскому. В район цели летели двумя эшелонами: наша группа сверху, остальные — чуть ниже. Такой боевой порядок был рассчитан на упреждение неожиданных атак «мессеров».

Вскоре с пункта наведения нам сообщили, что с севера на Котлубань идут «юнкеры». Едва они показались, Избинский повел свою группу в атаку, и с ходу сам ведущий и летчик Карначенок сбили по самолету противника.

В это время на нас со стороны солнца свалились «мессершмитты». Гитлеровцев было раза в три больше. Кручу я в кабине головой: крестов-то, крестов!.. Кого в прицел ловить? Где моя цель? Где ведущий?.. Два «мессера» уже вниз полетели пылающими головешками. Как потом узнала, их сбили Сергей Долгушин и Федя Прокопенко. Однако «куй железо, пока горячо...» Я кую и, двинув до отказа вперед рычаг газа, приступаю к атаке. А тут какой-то фашист уже бьет по моей машине из всех пушек! Не представляю, чем бы дело кончилось, не подоспей на выручку Саша Котов.

Отбил он тогда атакующих меня гитлеровцев. Но в неравном бою на высоте 2500 метров самолет ведущего немцы тоже подожгли. Видела я уходящую вниз машину в огне. Пламя опытный летчик сумел сбить с плоскостей. А что его ждало там, внизу? Тревожила мысль: удастся ли Саше дотянуть до своих, сесть где-нибудь, не разбиться или придется прыгать из беспомощно па-

дающей машины с парашютом?.. Кто это все мог предвидеть, предугадать заранее в стихии боя?..

С болью в сердце возвращаюсь на аэродром одна, заруливаю самолет на стоянку, и тут ноги будто отказали — из кабины едва выбралась. Но зато, когда на аэродроме увидела Котова, до того обрадовалась, что он жив, — не нашлась даже, как толком и сказать об этом.

— Извините... — будто на ногу наступила. — Вас из-за меня сбили...

Саша ухмыльнулся:

— Да, кажется так.

Потом в полку узнали, что на подбитом истребителе заместитель командира эскадрильи Котов приземлился на минном поле. Но видно, так уж суждено было пилоту — выйти живым даже отсюда.

Александру Котову в первый же день войны довелось принять воздушный бой — под Тернополем. За год боевой работы он не раз попадал в диковинные ситуации: горел в самолете, падал с продырявленным парашютом, вынужден вот был приземлиться и на минном поле — и все-таки возвращался на свой аэродром и снова шел в бой.

А вот Клавы Нечаевой вскоре не стало. Прикрывая самолет капитана Избинского, она отбила атаку «мессершмитта», но сама при этом попала под трассу огня...

Мы хоронили летчицу всем полком. Ружейным залпом отдали последние воинские почести. Но и теперь вот, спустя годы, закрываю глаза, стараюсь представить себе мертвую Клаву Нечаеву и не могу — идет по аэродрому девушка с красивым лицом, лихой волной сбита набок русые волосы, а в лучистых глазах, кажется, отразился весь мир: Волга с зачарованными лугами над водой, небо, переполненное солнцем, земля, распахнутая на все четыре стороны без конца и края, — живая Клава...

В исторических документах о Сталинградской битве сохранилась дата — 18 сентября. Сталинградцы запомнили ее. 18 сентября войскам Юго-Восточного фронта был подписан боевой приказ готовиться к контрудару. Для поддержки контрудара привлекалась вся артиллерия фронтовой артиллерийской группы, корабли Волжской флотилии и авиация 8-й воздушной армии. Впервые после долгих мучительных месяцев отступления появилось новое слово — наступать!

В тот день полк майора Клешева продолжал охранять железнодорожную станцию Котлубань. Немецкие бомбардировщики, пробиваясь в район действия 1-й гвардейской армии, летели тремя эшелонами — на малой высоте Ю-87, на средних высотах — Ю-88, Хе-111, а сверху постоянно висели «мессершмитты».

Боевая нагрузка на пилотов была изнурительной. Вылеты сле-

довали один за другим. Избинский, Котов, Баклан, Шишкин, Семенов, едва успев заправить машины топливом и боеприпасами, снова и снова поднимали клещевцев в бой. Радиостанции командных пунктов, станции наведения, рации танков, самоходных пушек передавали команды, донесения, звали на помощь, искали друг друга. И в воспаленном эфире не все заметили, как в бесстрашной атаке оборвался голос восемнадцатилетнего летчика-истребителя Володи Микояна...

Пятнадцать вражеских самолетов сбили мы в тот день, и вечером командир 434-го истребительного авиаполка, отправляя боевое донесение, писал: «...Прикрывающая группа наших истребителей, которую вел капитан Долгушин, видела, как старший лейтенант Микоян после второй атаки зажег еще самолет противника Хе-111, который горящим стал падать в 3—4 километрах южнее деревни Котлубань. Затем прикрывающая группа была атакована истребителями противника.

После окончания воздушного боя все наши самолеты вернулись на свой аэродром, за исключением старшего лейтенанта Владимира Микояна».

Дрогнула рука храброго рубаки Ивана Клещева, не смог он написать, что Владимир Микоян погиб. И мы еще ждали, надеялись — может быть, Володя вернется. Не вернулся и он...

Через месяц в газете «Правда» было опубликовано сообщение о награждении летчика-истребителя Владимира Анастасовича Микояна орденом Красного Знамени. Володин школьный товарищ Артем Сергеев написал ему тогда письмо:

«Дорогой Вовка! Поздравляю и страшно рад за тебя. Вчера сидел на бюро, и на глаза попался Указ о награждении отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Стал читать. Гляжу — много знакомых фамилий. И вдруг — как по голове стукнуло! Сорвался с заседания и — к Сергею. Когда сказал ему, Серега чуть со стула на стол не прыгнул, а Лешка Кандауров весь просиял. Еще раз от всей души поздравляю тебя и желаю успеха. Уверен, что это первая, но далеко не последняя награда. Крепко жму руку. Артем».

Старший лейтенант Микоян не получил письма друга.

Забегая вперед, скажу: на смену погибшему Володе на фронт отправился третий брат — Алексей Микоян. Он так же бесстрашно ходил в атаки и в своей летной судьбе прошел от рядового пилота до генерал-лейтенанта авиации.

Но это все еще будет потом. А тогда на следующий день после гибели Володи, 19 сентября 1942 года, не вернулся с задания наш командир полка. В жаркой схватке гитлеровцам удалось поджечь самолет Клещева. Он сбил два самолета и, раненный, обгоревший, успел выброситься с парашютом в районе высоты 137. К концу месяца в полку осталось около трети летчиков и боевых машин. Тогда полк — уже в третий раз! — вывели на отдых и пополнение.

За каких-то три недели — с 14 сентября по 3 октября — мы

произвели 652 боевых вылета, участвовали в 50 воздушных боях и сбили 83 гитлеровских самолета.

Нас с Тоней Лебедевой в начале октября вызвали в Москву. Здесь начальник инспекции ВВС полковник В. И. Сталин предложил пройти подготовку по особой программе — выолнить около ста воздушных боев. Мне уже удалось несколько раз слетать на бои, когда на аэродром вдруг приехал командующий ВВС генерал-полковник авиации А. А. Новиков и распорядился перевести нас в женский истребительный авиаполк.

Война, однако, вносила свои коррективы в различные там перемещения-передвижения, да не только отдельных лиц — целых армий! На Калининский фронт в те дни перелетал 65-й истребительный авиаполк. В нем по штатному расписанию не хватало двух летчиков — мы с Тоней и заполнили эти недостающие штатные единицы.

Не выразили поначалу особого восторга при нашем появлении и в новом полку. «Зачем нам такие красавицы?..» — ворчал кое-кто, но отделаться от нас было уже не так-то просто. Все-таки ведь мы побывали в боях, да не где-нибудь — в небе Сталинграда! Словом, вместе с полком прибыли мы на аэродром назначения, и там Тоню определили в эскадрилью капитана А. И. Самохвалова, а меня — к капитану Г. Д. Кудленко.

Ну как рассказывать о близком тебе человеке? Ведь, чем ближе человек, чем лучше его знаешь, тем труднее о нем писать. Каким же запомнился мне по тем давним фронтовым годам Григорий Данилович? В молодости внешне он был очень элегантен, особенно когда одевал парадную форму летчика, — от него веяло каким-то подлинным благородством. Человек добрый, больше всего на свете Григорий боялся кого-нибудь обидеть или задеть. Но когда речь шла о принципах, он всегда занимал ясную и совершенно определенную позицию. Меня до сих пор отвращает один вид людей, явно лишенных доброты, заскорузлых в своей черствости. По-моему, быть добрым — значит быть справедливым. Добрым, справедливым — посреди войны, на краю гибели!..

Когда мы перелетели на фронтовой аэродром Кочегарово, мой новый комэск слетал со мной в зону, потом перед строем при всех пилотах заявил твердо и беспрекословно:

— Пилотирует Блинова отлично. Закрепляю летать в паре с моим заместителем капитаном Головиным.

Толя Головин, помню, взмолился:

— Командир, да как же я с женщиной в бой пойду?.. Мне еще цыганка нагадала, что от бабы погибну. Не ставьте ее ко мне!..

Но капитан Кудленко умел быть твердым.

Так и поселилась я в эскадрильейской землянке. Одежлом ребята отгородили мне отдельный угол — «женский будуар», куда вход лихой пилотской братве был категорически запрещен. И началась наша боевая работа теперь уже на Калининском фронте.

Летчики эскадрильи капитана Г. Д. Кудленко. Третья справа К. М. Блинова

Много еще предстояло сменить мне до конца-то войны разных фронтов — Северо-Западный, Брянский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский. Но особенно запомнился этот, Калининский...

Эскадрилья наша была дружная, хорошо слетанная. Работать приходилось много — сопровождали своих штурмовиков, бомбардировщиков, летали на прикрытие наземных войск от гитлеровской авиации. Иногда выполняли по пять-шесть, а то и более боевых вылетов в день.

Однажды в конце декабря, прикрывая войска в районе Великих Лук, наша восьмерка встретила группу «юнкеров» — двенадцать машин, с ними еще восемь «мессершмиттов». Чтобы предотвратить бомбометание гитлеровцев, Кудленко решил идти в лобовую атаку. Спокойно Григорий передал команду, и вот ринулись мы навстречу ошестинившемуся стволами пушек строю фашистов.

Самоуверенно идут немцы, плотной стеной. Такую атаку — лоб в лоб! — не просто выдержать. Нервы напряжены до предела, и я ловлю себя на желании поскорее открыть по «юнкерам» огонь. А они растут на глазах. Уже отчетливо различаю белые кресты... Кажется, еще мгновение — и в великом столкновении машин рухнет все! И эта атака, и вся эта война, и молодость, и сама жизнь... Но комэск молчит. Рядом, крыло в крыло, мои новые боевые друзья — Саша Жуков, Толя Головин, комиссар эскадрильи Нефедов, Лебедев, Новиков, Гуськов. Все такие разные, эти дорогие моему сердцу бесстрашные и мужественные парни. Разве смо-

гу я предать их, бросить перед этими воронеными стволами пушек?..

Мы врезались в строй бомбардировщиков, и двух машин гитлеровцы сразу не досчитались. Тогда, поспешно побросав бомбы, «юнкеры» начали поворачивать назад.

— Действуем самостоятельно! — услышала я команду. Это — Григорий. На боевое задание он взял меня своей ведомой, и я старалась держаться в строю, в любую минуту готовая защитить командира от вражеской атаки. А тут такой случай: я могу бить немцев по своей воле!..

В отвесном пикировании — камнем вниз! — набираю скорость. Одновременно ищу цель. К «мессерам» подоспела на помощь еще одна восьмерка — «фокке-вульфы», и в небе над Великими Луками разворачивается, раскручивается уже не карусель, а чертово колесо!.. На выводе из пикирования от перегрузки потемнело в глазах. Вдруг впереди по курсу замечаю отставший от группы Ю-88. Он то скроется в облачности, то вынырнет из нее на мгновение. Ну, думаю, фриц, сейчас рассчитаемся с тобой — пиши своей белокурой Розмари привет с того света! И бросилась за гитлеровцем вдогонку. Пристроилась под самую кромку облаков, жду. Бомбардировщик не появляется. Время, когда ждешь, известно, медленно тянется. А боевой вылет — не свидание. Уже и горячее на исходе. Пора думать, как на аэродром возвращаться. И вдруг перед самой кабиной, действительно будто с неба свалился, «юнкерс». Почти в упор разрядила такую очередь, что бомбардировщик так и рухнул вниз, дымящий, разваливающийся.

Залетела я тогда далеко-далеко. Мой истребитель начали обстреливать немецкие зенитки. Все ближе, все ожесточеннее тянулись к самолету трассы эрликонов. Однако ушла от них. Боевой вылет завершился благополучно.

Когда приземлилась, все самолеты эскадрильи стояли уже на своих местах. Ко мне подошел капитан Кудленко и, как всегда, спокойно заметил:

— Не залетай так далеко, Клава...

— Хорошо, — ответила я.

От моего внимания не ушло, видно, случайное движение Григория: он как-то осторожно погладил плоскость моей боевой машины. И еще почему-то запомнились мне его глаза — чистейшим родником ключевой воды струилась в них затаенная радость, счастье молодости...

Изо дня в день совершалась нами эта трудная работа войны. И ни один день не повторял вчерашнего, не был похож на завтрашний.

Как-то шестеркой, выполнив задание, мы возвращались домой. Горячее на пределе, а летели еще над территорией врага, и тут на нас навалились «фоккеры». Немцы оказались в более выгодном положении — выше нашей группы. Нам, по сути, и драться было нельзя, и от боя отказаться трудно. Тогда комэск Кудленко принял грамотное, пожалуй, наиболее удачное в этой ситуации реше-

ние: поймать момент, когда после атаки «фоккеры» пойдут вверх, и тут всей шестеркой глубоким переворотом оторваться от них.

Так, собственно, все и сделали. Кроме меня и Саши Жукова. Мы тогда несколько задержались, отстали от своих. Правда, не по своей воле. В тот раз я была в строю внешней ведомой, то есть крайней. Это место для летчика самое что ни на есть трудное. Вот, к примеру, ведущий начинает разворот — в сторону от тебя, стоящий рядом с ним чуть приподнимается с таким же креном, чтобы в одной плоскости идти, следующий за ним — еще выше да газу поприбавит: радиус-то разворота у него получается больше. Что же остается делать в такой этажерке четвертому, пятому? А шестому?! Так порой и крикнула бы: «Братцы, да куда вас понесло!»

Или выполняется разворот на тебя — внешнего ведомого. Твой самолет оказывается в таком случае внутри строя, все же остальные машины, как конус египетской пирамиды, над тобой. И вот убираешь газ, и тормозишь, и тянешь с этим разворотом, который закручивается-то едва ли не вокруг хвоста самолета. Тут сразу очередь — пустячное дело. Да и вообще летчика без прикрытия сбить легче, чем того, кто прикрыт. А внешнего ведомого прикрывать некому: кто-то должен быть в строю и последним.

В том вылете на этом месте пришлось быть мне, поэтому два «фоккера» подкрались незаметно и приготовились было к легкой расправе. Первым их заметил Саша Жуков, летевший внутри строя. Выручая меня, энергичным маневром он бросился наперерез гитлеровцам. Те открыли по нему огонь. Осколок снаряда срикошетил и ударил в голову. На какое-то время Саша потерял сознание. Когда очнулся — видит, что самолет его еще висит в воздухе, держится чудом, а «фоккер» заходит в атаку, чтобы добить его.

Сумел преодолеть себя раненый летчик: бросив машину вниз, он приземлился на снежном поле.

...Пройдет много лет. Мы выстоим и перенесем все неравные схватки с врагом в воздухе, потери боевых друзей, позор и муки плена, и снова бои, бои... Мы победим. Уже командиром авиационного полка вернется в родной Киев Григорий Данилович Кудленко, и хотя расстанется с небом, но не уйдет на отдых да покой, а вместе с Александром Григорьевичем Жуковым еще долго будет работать по специальности земной — геологин.

Теперь, спустя годы, порой даже не верится, что все это было с нами — головокружительные карусели потерявших страх перед скоростью и огнем людей, стремительные, разящие атаки, а в перерывах между боями — песни! Да, понимаю, все это, возможно, не слишком вяжется: тяжелые бои, гибель друзей и вдруг — песни. Но они были. Всем смертям назло мы плясали с Толей Головиным русскую «барыню», пели эскадрилей «Огонек», «Землянку». Сейчас, в октябре жизненного срока, рядом со мной нет многих из тех, кто был в его апреле. Но как бы ни складывалась судьба каждого, лучшие движения души, я знаю, все-таки всегда связаны с песней. Мне особенно запомнился «Синий платочек». Я и сей-

нас, когда слышу эту песню, почему-то плачу. Может, еще и потому, что с маршрутами тех огненных лет переклестнулась тропинка нашей молодости, любви?..

14 июля 1943 года в бою над Великими Луками тяжело ранило Гришу. Снаряд раздробил ногу. Истекая кровью, наш комэск приземлил машину, управляя одной ногой, и потерял сознание.

Мстила я за Григория, как могла, — рвалась на любое боевое задание. А вечерами в землянке при свете огонька из снарядной гильзы писала ему в госпиталь подробные письма.

«...Сегодня ходила на задание с «ильюшами». Шли восьмеркой. В тылу сбросила листовки, на обратном пути меня с Ковенцовым здорово обстреляли зенитки. Все обошлось благополучно, только весь полет из пробки сильно бежала вода. Завтра улетаю за новой машиной. Как твоё здоровье, как нога? Я почему-то очень волнуюсь...»

«С моей четверкой было происшествие. Головин летал с молодыми, и, когда уже сел, откуда-то вывалились вдруг два «фоккера». Один рубанул по плоскости, и тогда Головин решил взлететь, разделаться с немцем. Но не смог: свалился на крыло в озеро. Крыло сейчас поставили новое, и Сычев улетел на этой машине под Старую Руссу. Часто вижу тебя во сне. Первый раз увидела тебя без ноги, а на вторую ночь — будто ты идешь ко мне и даже не хромаешь. Очень хочу тебя видеть...»

В госпитале Гриша лежал вместе с Алексеем Маресьевым, которому врачи уже сделали сложную операцию. Григорию хотели отрезать ногу, но на консилиуме решили сохранить. Об этом мы узнали позже, спустя несколько месяцев, которые тянулись для меня мучительно долго. А пока едва ли не каждый вечер я рассказывала Грише в письмах о событиях в эскадрилье, успокаивала его, как могла.

«Гриша, родной мой, я тебе много о своих чувствах писать не буду, ведь тебе и так достаточно ясно, что я тебя люблю. Поправляйся быстрее. Жду тебя. 11 февраля 1943 года, 12 часов ночи...»

Не все я могла писать капитану Кудленко. Ряды эскадрильи редели. После его ранения сбили еще троих пилотов, и вскоре мы отошли на пополнение.

К лету сорок третьего 65-й истребительный авиапункт перелетел под Орел. Здесь, используя орловский и белгородско-харьковский выступы, противник готовился нанести два мощных встречных удара на Курск, окружить и уничтожить наши войска на Курской дуге. 50 лучших отборных дивизий сосредоточило фашистское командование на этом участке, что составляло около 70 процентов танковых, до 30 процентов моторизованных и более 20 процентов пехотных дивизий, действовавших на всем советско-германском фронте. Войска эти поддерживались авиацией — около 2 тысяч самолетов, среди которых были новые боевые машины — истребители ФВ-190, штурмовики Хш-129.

И вот 5 июля 1943 года. Группировки противника перешли в наступление на Курск. Началась величайшая в истории войны битва. В первый день немцам сразу удалось вклиниться в нашу оборону на глубину шесть — восемь километров на ольховатском направлении. Но продвижение противника было замедлено, а затем и остановлено контрударом войск Центрального фронта. 7 июля гитлеровцы попытались наступать в районе Поньрей, затем на Фатеж, однако и здесь не достигли значительного успеха и, прекратив атаки, перешли к обороне.

Убедившись в бесплодности наступления на обоянском направлении, немецкое командование стало искать уязвимые места в нашей обороне на других участках. Так 12 июля в районе Прохоровки сошлось с обеих сторон 1200 танков. В результате контрудара группировка противника потеряла до 400 хваленых «тигров» и «пантер». От наступления на Курск враг окончательно отказался.

Здесь, на главных направлениях, боевые действия немецких войск поддерживались бомбардировочной авиацией — до 300 самолетов под прикрытием истребителей. Над полем боя, в ограниченных по площади районах, сходились по 100—150 машин. Только 5 июля наши истребители провели 175 групповых воздушных боев и сбили 279 гитлеровских самолетов. По всему фронту пролетело известие об отважном лейтенанте, который в одном бою уничтожил девять немецких бомбардировщиков. Это был летчик-истребитель лейтенант А. К. Горовец. Открыл здесь свой боевой счет и другой герой, пока еще мало известный нам, Иван Кожедуб. До 9 июля он сбил четыре гитлеровских самолета.

Невиданным напряжением отличались воздушные бои над Курской дугой. Наши летчики нередко шли на таран, ценой своей жизни уничтожая противника. И вот в эти дни в полк не вернулась Тоня Лебедева...

На боевое задание она взлетела шестеркой — в группе прикрытия. Вел группу командир эскадрильи Алексей Ильич Самохвалов. На подходе к Орлу нашу шестерку со стороны солнца атаквали двенадцать «фоккеров», и машина Тони загорелась. Летчики видели, как она камнем пошла вниз, как Лебедева отделилась от пылающего самолета, раскрыла парашют, но немцы принялись расстреливать ее в воздухе. Тогда на помощь Тоне бросился Адиль Кулиев. Он отбил атаку «фоккера» — немец тоже загорелся и выпрыгнул с парашютом.

Тяжело было пилотам возвращаться домой без Тони Лебедевой. Больше мы не пели с ней о синем платочке...

Да, песня не раз сгорала в небе. Умирала, расстрелянная фашистами. Но погибнуть не могла! Потому что породил ее непобедимый народ.

Начало августа сорок третьего ознаменовалось ожесточенными сражениями на подступах к Орлу. Успех наступления наших войск в значительной мере был обусловлен активными действиями авиа-

Всем смертям назло

ции. Истребители надежно прикрывали подвижные группы, штурмовики и бомбардировщики осуществляли авиационную поддержку, подавляя и разрушая опорные пункты, узлы сопротивления, уничтожая противотанковые средства и контратакующие танки, ведя борьбу с резервами.

Наши летчики, проявляя стойкость, героизм, даже в самых трудных условиях одерживали победу. Впервые и мы услышали здесь о старшем лейтенанте А. П. Маресьеве — истребителе, которому ампутировали ступни обеих ног, но который вернулся в строй и уже сбил в воздушных боях три самолета. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Стремясь сорвать наше наступление, немецко-фашистское командование начало переброску своих войск, главным образом танковых, в район Харькова из Донбасса и частично из-под Орла. Тогда Ставкой ВГК было принято решение силами фронтовой и дальней авиации провести воздушную операцию по срыву маневра резервами. В полк пришла директива командующего ВВС. В ней указывалось, что с 4 августа нам предстоит действовать по железнодорожным узлам, мостам и перегонам, задерживать переброску войск противника в район Харькова, штурмовыми и бомбардировочными ударами уничтожая на дорогах автотранспорт, паровозы, мотомехколонны.

5 августа столица нашей Родины — Москва впервые салюто-

вала доблестным советским войскам: Орел и Белгород были освобождены. Только мне об этом ликующем народном торжестве узнать довелось значительно позже...

В тот день после очередного допроса гитлеровцы бросили меня с группой раненых летчиков в товарный вагон и отправили в концлагерь. Случилось все это, страшное, не передаваемое словами, 4 августа.

Был полдень, обеденное время. Пилоты собрались в столовой. Вдруг прибегает связной и передает приказание командира на вылет. Я только успела выпить стакан компота и — к самолету. Предстояло сопровождать штурмовиков. Наше звено в группе прикрытия. Взлетели. Мне хорошо видно всех — словно на ладони. За линией фронта, уже перед подходом к цели, замечаю серебристые диски. Они проплыли, как таинственные летающие тарелки. Это — «мессеры». На нас немцы не обратили внимания — стороной прошли. Но вот закончили разворот и один за другим посыпались горохом.

И тут пошло!..

После тяжелых воздушных боев плечи, спина, ноги от перегрузок так порой болят, так ноют — будто вагон бревен разгрузишь. И кажешься себе слабой, разбитой, но именно от этой разбитости какой-то неразбиваемой. Да имела ли я право поддаваться минутным слабостям! Сколько друзей, родных, близких погибло... В нашей семье было три брата — все на второй день войны добровольцами ушли на фронт. И вот уже Степан погиб под Смоленском, старший Сережа — под Сталинградом, где-то еще Павел воевал...

Нет, не могла я поддаваться ни минутным слабостям на земле, ни противнику в воздушном бою. И почему меня сбили, в какую роковую минуту подкараулили — ума не приложу! Помню только сухой треск, скрежет металла, сильно трянуло, ударило о борт — и самолет начал разваливаться.

Какое-то время я падала вместе с кабиной, зажав в руке бесполезную теперь ручку управления. Страх не было. Была одна четко работающая мысль: «Жить, жить!..» Этим словом распиралась кабина, этим словом надувалось сердце, этим словом затяжелела душа... И я отстегнула шнур шлемофона, привязные ремни. В следующее мгновение будто невидимой рукой меня с дикой силой вышвырнуло из обломков машины. А когда раскрыла парашют, тут, признаюсь, стало не по себе: с огромной скоростью, на глазах все увеличиваясь, ширясь, каким-то ураганным вихрем несся на меня и расстреливал «мессер».

Никогда не забыть этой минуты! Огненная лента трассы перед глазами, белые кресты, струя воздуха за машиной... Плоскостью «мессершмитт» чуть не зацепил за купол парашюта — меня сильно качнуло. А немец тем временем развернулся — и снова в атаку.

Диким вскриком и воем ворвалась жизнь. Криком о чем — какими словами?.. Ни зверь, ни человек так не тоскует. Это проснулась воля к жизни. Быстро-быстро намотав на кулак парашютные стропы, я подтянула их на себя и камнем заскользила вниз, к земле. Немец скрылся.

В следующее мгновение тревожно сработало: «А где я? Куда падаю?.. Ведь бой вели за линией фронта...» Мигом пролетел недавний разговор с пилотами. Кто-то говорил: мол, если попаду к фашистам, застрелюсь, но не сдамся. Другие считали, что лучше сбежать и пробраться к своим, к партизанам. Земля стремительно приближалась. Перед самым приземлением я заметила неподалеку лесок и сразу же решила скрыться там.

Бегу и слышу, как что-то шлепается, обрывается вокруг меня с незнакомым разбойничьим посвистом. Сначала не разобралась, в чем дело, а потом почувствовала резкую боль в ноге и поняла: по мне стреляют. Пригнувшись, еще немного пробежала, но левая ступня оказалась серьезно поврежденной, и я поползла. Неожиданно прямо надо мной — немец:

— Хенде хох!

На всю жизнь запомнился мне этот гортанный окрик.

— Ах ты гад!.. — рванулась было я на верзилу, но кто-то сзади сбил с ног, а со всех сторон уже окружали гитлеровцы с автоматами.

Когда я поднялась, вся в пыли, земле, сдернула с головы шлем — буйные волосы мои рассыпались до плеч, тут немцы в изумлении запричитали:

— О, юнге фройляйн! Кароши дьевочка!..

А дальше все было, как в кошмарном сне. Гитлеровцы бросились ко мне и начали срывать погоны, часы, вместе с гимнастеркой — гвардейский знак, медаль «За отвагу». Сувениры из России! Избив, меня бросили в попутную машину.

И вот полевая жандармерия. Первый допрос.

— Кто командир полка?

— Иванов. Иван.

— Откуда родом?

— Из Москвы! Где вы разбили себе лоб!..

И снова побои. Жгла ненависть. Ненависть огнем прожигала мозг — ни одной мысли не осталось — мысли в теле — тело кричало: да хоть бы стреляли скорей!..

На ночь втолкнули в деревенскую баню, где уже сидел кто-то. Оказалось, стрелок со штурмовика. Часов в двенадцать привезли еще двоих: один — штурман с Пе-2, другой — тоже стрелок-радист с «ила». Все они были ранены и зверски избиты.

После очередного допроса нас отправили в лагерь для военнопленных. По дорожному указателю я успела рассмотреть, что мы въехали в город Карачев. Здесь все было в огне, вокруг рвались снаряды, в панике металась мотоциклисты, орала регулировщики на перекрестках. В эти минуты я готова была молиться кому угодно, чтобы наша бомба или снаряд попали в машину, на которой

нас везли. Когда выбрались из Карачева, мы уже знали, что группу нашу перебрасывают в Брянск.

В лагере для военнопленных всех прибывших разбивали по ротам. Каждому на шею привязывали веревкой бирку с номером — имя твое никому не требовалось, и я невольно вздрогнула, когда кто-то окликнул меня:

— Клава!..

Обгоревшее, обезображенное побоями лицо.

— Не узнаешь?

Признать кого-либо по этому лицу было невозможно.

— Да Головин я. Анатолий. Командир твой... — тихо, едва слышно проговорил незнакомец.

И тут я не выдержала, расплакалась. Плакала так, как никогда в жизни...

Утром всех нас выстроили на площадке и зачитали приказ коменданта лагеря: «За попытку к побегу — расстрел!» Здесь мы узнали, что в ночь на 8 августа из лагеря убежало около тысячи человек. Прошло еще два дня. 10 августа немцы составили эшелон для отправки пленных на запад. Двадцать шесть летчиков погрузили отдельно — в один товарный вагон. Охранники — власовцы расположились в тамбуре, так что мы могли свободно переговариваться. А разговоры наши, думы наши были только об одном — как бежать...

На железнодорожную станцию Брянска, где формировался эшелон, приходили местные жители. Они пробирались к самой платформе и бросали нам хлеб, картошку. Так мы получили и два ножа — один в кульке с махоркой, другой — в кастрюле с вареным картофелем, и тогда было решено прорезать в стенке вагона отверстие, чтобы затем откинуть у выхода дверную скобу.

Трудились мы все по очереди. Когда дыру прорезали — поняли, что дверь открыть не удастся: она была накрепко закручена проволокой. Планы рухнули. А поезд уносил нас все дальше и дальше от фронта — на запад. Мелькали поля, полустанки, деревушки с тесовыми крышами — моя родная земля...

Больно щемило сердце. Выхода, казалось, уже никакого не было, оставалось одно — смириться с судьбой и ждать, будь что будет. Но мы решили не отступать — резать второе отверстие в стене, чтобы освободить дверь вагона от запора. Первую дыру на время залепили хлебом, который нам давали — как раз под цвет товарняка.

Наконец в полночь, 11 августа, удалось пробить выход для руки. Открутив проволоку, открыли дверь. В лицо дохнуло прохладой ночи. Гуськом, как парашютисты, на полном ходу поезда один за другим начали выбрасываться в темноту.

Помню, когда подошла моя очередь, у выхода я чуточку замешкалась.

— Что, Клава, нога беспокоит?.. — спросил стрелок-радист Николай Рыбалко.

— Нет. Рассчитываю, чтобы на нее не приземлиться... — и шагнула куда-то вниз...

Глухой удар о землю. Закрутило, завертело... Потом чувствую — лежу. Пошевелила руками, ногами — целы. Дробный перестук удаляющегося эшелона — и тишина... Поднявшись, я прошла немного вдоль полотна и первым встретила Колю Рыбалко, затем еще четверых. Установив направление на восток, отправились в неизвестность. По пути к нам пристроились два знакомых летчика. Но сухая яровая пшеница шелестела под ногами — создавался заметный шум, и мы решили тогда разделить на группы. В нашей группе осталось пятеро.

Наступил рассвет. Как-то неожиданно, быстро. В предрассветных сумерках мы торопились, несмотря на раны, преодолеть поле и добраться до ближайшей рощи. Здесь присели отдохнуть и познакомиться друг с другом поближе.

Стрелок-радист со штурмовика Виктор Сазонов — родом из Брянска. Это его на станции встретили мать и младший братишка, который в кульке с махоркой передал перочинный ножик. Вся спина Виктора, иссеченная мелкими осколками, была сплошной раной. Мне пришлось разорвать кофточку и перевязать его. Самолет Виктора был сбит прямым попаданием снаряда.

Летчик-корректировщик Виктор Мурашко — родом из-под Смоленска. Его ранило в грудь, да так, что между ребрами зияла дыра. Жутко было смотреть.

Летчик-штурмовик Поляков — по национальности не то башкир, не то удмурт. Коля Рыбалко, я — вот и вся наша группа.

Запаса продуктов, конечно, ни у кого не было. У Сазонова осталась пайка хлеба — мы ее разделили поровну на пять частей (что-то не больше спичечной коробки каждому), съели, отдохнули до темноты — и снова в путь.

13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 августа... Как же долго было считать эти дни. А мы шли. Шли лесами, болотами, минуя населенные пункты, проезжие дороги. Есть хотелось, на ходу мы собирали ягоды, грибы, лесные коренья.

Но однажды ноги сами, а скорее, голод, привели нас к небольшой деревушке. На разведку послали Рыбалко — он был покрепче остальных. Долго Николай не возвращался. А когда принес две хлебные лепешки и сказал, что немцев в деревне нет, мы потянулись к жилью. Здесь по дворам набрали картошки, у кого-то в избе нашелся табак. Но главное: узнали, что впереди город Ельня, что идти до него километров двадцать, а за Ельней — фронт!..

Августовские ночи уже холодны. Полили дожди. Проваливаясь в воронки от снарядов и бомб, обессиленные, мы продвигались все дальше — уже на грохот орудий. Линия фронта оказалась, конечно, не в двадцати, а километрах в сорока — пятидесяти от той деревни, куда мы забрели.

24 августа, утром, наш путь перерезала шоссейная дорога. По ней шныряли немецкие транспортные машины, порой передвига-

лись целые колонны. Переходить это опасное место договорились по одному.

Я настаивала, чтобы меня через дорогу пустили первой. Не сразу, но со мной согласились. Все обошлось благополучно. А к полудню начался сильный обложной дождь. Он пригнал нас к маленькому хуторку, в котором немцев, к счастью, также не оказалось. Глядя на нас, женщины плакали, предлагали остаться, выждать немного: «Наша армия вот-вот придет...» Но как можно было отсиживаться, пусть даже среди своих, надежных людей?..

В ту ночь, следуя лесом, мы наткнулись на танковую засаду гитлеровцев. Вовремя заметив их, успели отойти. И вот, чтобы точнее сориентироваться, куда двигаться дальше, Коля Рыбалко забрался на сосну — по всему горизонту полыхало огнем, над землей носились трассирующие пули. Это была уже линия фронта.

Не передать того, что пришлось пережить в последние часы перед возвращением к своим. Не раз по нас стреляли, приказывали остановиться. С первого раза линию фронта перейти не удалось: путь преградила длинная траншея. Когда возшла луна — местность так просматривалась, что пришлось отойти назад.

С рассветом мы рассмотрели чуть в стороне от посева яровой пшеницы, где укрылись, небольшое село (позже выяснилось — село Николаевское). Слышали, как немцы кололи там дрова, готовили завтрак... Очень утомительно было лежать весь день без движения. Около шестнадцати часов гитлеровцы ударили по нашей передовой из минометов. Наши с ответным огнем не торопились — минометы тоже заработали, но минут через тридцать, и осколки засвистели над самой головой. Странное чувство испытала при этом — и страшно и в то же время радостно...

По минометному огню мы определили, где находятся наши передовые позиции. 29 августа примерно в десять часов вечера вышли из своего укрытия и снова направились в сторону траншеи. В темноте, под проливным дождем, я зацепилась за что-то, едва не упала — это оказался телефонный провод. Заметив его движение — немцы тут как тут. В башлыках от дождя, они появились, будто привидения. Мы успели скрыться от них в дорожном кювете. Пронесло!.. Когда подкрались к траншее вплотную, смотрим — опять башлыки. Но здесь немцы спали. Рядом лежали их автоматы — подмывало схватить да перестрелять всех. Виктор Мурашко дал знак — не трогать, и осторожным, но стремительным рывком мы преодолели траншею.

Немцы, однако, заметили нас. Взлетела ракета — холодным мертвым светом осветила поле. Заработали автоматы...

И все-таки так, впятером, мы преодолели последнее препятствие — переплыли на досках от разрушенного моста какую-то реку — и наконец выпрямились во весь рост. Кажется, не было в моей жизни команды радостней той, которую вскоре услышали: «Стой! Кто идет?..»

В полк я вернулась не сразу. Предстояло пройти проверку. И вот однажды меня кто-то позвал. Голос такой знакомый-знако-

мый. Оглянулась — и сердце остановилось. Навстречу мне шел Василий Кубарев, командир нашей братской эскадрильи, мой хороший друг.

В этот же день мы улетели. Помахала я крылом своим новым друзьям, остававшимся еще на земле, а на аэродроме меня встречала вся моя родная эскадрилья. И верилось и не верилось, что я снова среди своих, самых дорогих мне людей. А когда села в кабину истребителя, на глаза неволью наворачнулись слезы.

...Много еще было у меня боевых вылетов в эскадрилье капитана Кудленко. В декабре сорок третьего за успешную боевую работу мне присвоили очередное воинское звание — «лейтенант», наградили орденом Отечественной войны 2-й степени и направили в высшую офицерскую школу воздушного боя. Окончив ее, догнала свой полк и участвовала с ним в освобождении Белоруссии, Прибалтики, на берлинском направлении.

Ну, а после войны с боевой машиной мне пришлось расстаться. Летать я прекратила в ноябре сорок пятого.

Сейчас, когда у нас с Гришей уже подрастают внуки, события давних лет понемногу стираются в памяти. Но я по-прежнему люблю небо, люблю наблюдать с днепровских круч, как плывут облака. Словно большие корабли, подняв паруса, плывут они гордо и торжественно, плывут над родными полями, над озерными далями, чтобы там росой упасть на рассвете, чтобы где-то поплакать над лесом.

Хотела бы и я унести за ними: изведать ласку ветра на просторе, встретить солнце за горами. Я так давно не слышала песен наших аэродромных полевых жаворонков...